

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.31>

Дружинин Андрей Сергеевич, Песина Светлана Андреевна

БИОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

В статье дается определение и анализируются ключевые содержательные характеристики лингвистической категории времени с позиции философии биологии познания и биокогнитивного подхода к языку. Разграничиваются понятия субъективного и объективного времени, а также делается вывод о необходимости изучения времени как категории языка без отождествления с объективным временем как фактором физического мира. Полученные выводы могут быть использованы в теории языка для расширения существующей интерпретации грамматического времени, концепта ВРЕМЯ, а также в практике преподавания грамматики языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 351-354. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Вежбицка А.** Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. С. 402-423.
2. **Ильиш Б. А.** Строй современного английского языка: учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов / на англ. яз. Л.: Просвещение, 1971. 366 с.
3. **Савченко Е. П., Фильчакова Е. М.** Функциональные особенности английских контрастивных дискурсивных маркеров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 130-133.
4. **Bellow S.** The Dangling Man. The Victim. The Adventures of Augie March [Электронный ресурс]. URL: http://mrbeland.weebly.com/uploads/3/0/5/5/30558007/bellow_saul_-_the_adventures_of_augie_march.pdf (дата обращения: 15.02.2018).
5. **Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.** Longman Grammar of Spoken and Written English. L.: Pearson Education, Ltd., 1999. 1204 p.
6. **British National Corpus** [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 04.02.2018).
7. **Cambridge Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 14.02.2018).
8. **Corpus of Contemporary American English** [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 03.02.2018).
9. **English Oxford Living Dictionaries** [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 14.02.2018).
10. **Hansen M.-B. M.** The Semantic Status of Discourse Markers // Lingua. 1998. Vol. 104. P. 235-260.
11. **Helprin M.** Winter's Tale [Электронный ресурс]. URL: <http://1.droppdf.com/files/ybGvc/winter-s-tale-mark-helprin.pdf> (дата обращения: 13.02.2018).
12. **Jerome K. J.** Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gasl.org/refbib/Jerome_3_Men.pdf (дата обращения: 10.02.2018).
13. **Schiffrin D.** Discourse Markers: Language, Meaning, and Context [Электронный ресурс]. URL: http://www.blackwellpublishing.com/content/BPL_Images/Content_store/WWW_Content/9780631205951/003.pdf (дата обращения: 01.02.2018).

ON THE SEMANTICS OF MARKERS OF COMPARATIVE CLUSTERS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Guketlova Aida Khasanovna
Pyatigorsk State University
agx_91@inbox.ru

The article is devoted to the study of the semantics of formal components in the English comparative constructions, objectified as their markers. The author analyzes the specificity of their use to create original textual units based on the comparison of objects, ideas, actions and situations. The paper considers these units as partially formalized lexical units that perform specific functions of textual clips, distinguishes their distinctive properties, subgroups and considers the features of each of them functioning in the English language.

Key words and phrases: comparison; comparative cluster; marker; complex marker; range of markers; formalization of lexical units; analogy; difference.

УДК 81-119

Дата поступления рукописи: 12.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.31>

В статье дается определение и анализируются ключевые содержательные характеристики лингвистической категории времени с позиции философии биологии познания и биокогнитивного подхода к языку. Разграничиваются понятия субъективного и объективного времени, а также делается вывод о необходимости изучения времени как категории языка без отождествления с объективным временем как фактором физического мира. Полученные выводы могут быть использованы в теории языка для расширения существующей интерпретации грамматического времени, концепта ВРЕМЯ, а также в практике преподавания грамматики языка.

Ключевые слова и фразы: биокогнитивный подход; субъективное время; объективное время; категория времени и вида; наблюдатель; область референций; поведенческое разграничение.

Дружинин Андрей Сергеевич, к. филол. н.
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
andrey.druzhinin.89@mail.ru

Песина Светлана Андреевна, д. филол. н., д. филос. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
spesina@bk.ru

БИОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

Изучение категории времени в ее лингвистическом проявлении никогда не потеряет актуальности не только из-за определяющей роли глагольной референции в общей системе языка, но и широкого диапазона

ее структурных особенностей в различных языках мира, которые заставляют ученых предлагать разнообразные теории и интерпретации видо-временной семантики глагола. Примером может служить нерешенный вопрос с определением категории перфекта в английском языке, а точнее его темпорального статуса: лингвисты если и включают форму *have/has done* в категорию настоящего времени, то недостаточно мотивируют данный выбор, объясняя семантику настоящего времени понятиями (результативность, предшествование и т.д.), выходящими далеко за пределы установленных ими же теоретических ориентиров или противоречащими таковым (т.е. «настоящее время глагола совпадает с моментом речи говорящего»). Даже само отождествление момента речи (по сути, физического фактора) и лингвистической категории грамматического времени (фактора внутреннего, психологического состояния человека как часть его языкового поведения), совершаемое в традиционной функционально-семантической и структурно-семантической интерпретации языковых явлений, вызывает определенные противоречия с общенаучной точки зрения, а такие явные случаи несовпадения объективного времени речи и времени грамматического (ср.: форма прошедшего времени в значении будущего *Все, я пошел!* (здесь и далее примеры составлены авторами статьи. – А. Д., С. П.)) не находят исчерпывающего толкования. Исходя из этого, необходимым представляется поиск нового пути исследования обозначенной проблемы.

Очевидно, изучение такой фундаментальной категории языка, как грамматическое время, требует более широкого диапазона методологических средств научного анализа, прежде всего, нацеленных на раскрытие природы восприятия, мышления и сознания человека как главенствующей фигуры любого речевого акта и языкового познания [10]. Арсеналом таких исследовательских приемов располагает междисциплинарный подход к языку, суть которого заключается в применении данных не только лингвистической науки, но и биологии, нейропсихологии, физиологии, а также философии, объединяющей достижения всей научной мысли. Одним из наиболее перспективных направлений в данной области является био-социо-культурная концепция языка [3; 4], наметившаяся в русле когнитивных и биокогнитивных теорий [14; 15].

Рассматривая человеческий организм как аутопоэзное единство, воссоздающее собственные внутренние состояния (репрезентации) при каждом акте адаптации к изменениям внешней среды, сторонники биокогнитивной концепции (У. Матурана, Ф. Варела, Ф. Капра) сумели найти, по всей видимости, самое естественное описание феномена человеческого мышления и жизненной организации, заключающейся в саморегуляции: все, что возникает «внутри» тела человека (ощущения, образы, понятия), по сути, там и остается, т.е. замкнуто в себе как продукт когнитивной активности – непрерывного (мыслительного, чувственного, двигательного) познания окружающей среды с целью эффективной к ней адаптации – и ничего общего с этой (объективной) средой не имеет, кроме как веры в то, что все эти образы, понятия и ощущения и есть реальные состояния внешней среды. Процесс воссоздания таких состояний называется наблюдением, а центральной фигурой, точкой отсчета и «наиболее фундаментальным вопросом любой попытки понять реальность как феномен человеческой сферы» [14, р. 27] в теории аутопоэза является Наблюдатель. Это организм, «способный поддерживать, генерировать и перевступать в свои собственные состояния, как будто бы они репрезентации внешних феноменов» [Ibidem, р. 31]. Язык тем самым представляет особую область таких состояний в форме семантических описаний или лингвистических референций, которыми можно разграничивать окружающую среду на значимые признаки и выстраивать соответствующее адаптивное поведение.

Категоризация человеком времени есть образование индивидуального представления о нем в виде сложного пучка сенсомоторных и понятийных образов на основе опыта телесных ощущений и мыслительных процессов, генерируемых в организме человека как ответной реакции на динамику взаимодействия с окружающим миром. Именно таким образом происходит процесс субъективизации времени как собственного знания из объективно существующих признаков внешней среды, а точнее таких **физических условий** – раздражителей, воздействующих на организм, которые «заставляют» ощущать, думать и действовать наблюдателя в пределах одного и того же внутреннего ориентира, которым он маркирует беспорядочный внешний мир для более гармоничного в нем существования и который он в своей языковой области называет временем.

То, что любое описание времени (будь то лексическое или грамматическое) сводится к особенностям восприятия наблюдателем упомянутых физических условий, но никогда не приравнивается к ним, отмечали философы и лингвофилософы в более ранние периоды развития научной мысли. «Время, как и пространство, есть своеобразная множественность и дробность бытия» [2, с. 442], но оно «обозначает не объективное существование, а определенную способность, как пространство обозначает способность к наличию длины» [12, р. 4]. Уже в этом философы и лингвофилософы видят ограниченность самого явления времени до рамок человеческого сознания, его специфичного и субъективного восприятия окружающего жизненного пространства, поэтому «прохождение времени есть черта сознания, не имеющая объективного оригинала» [17, р. 116]; время – это субъективное условие, необходимое для координации чувственно воспринимаемого [6, с. 400]; оно генерируется живыми организмами [1, с. 130]. Любое измерение времени, отмечает Т. Гоббс, происходит на основе движения [5, с. 129], т.е. посредством изменений в пространстве, которое, в свою очередь, есть не что иное, как само сознание человека, вернее, осознание своего бытия [9; 11].

Итак, генерацию времени составляет не характерная особенность окружающей среды, а поведенческое различие, проводимое наблюдателем своих последовательных состояний в повторяемых состояниях его нервной активности [16, р. 133]. Иными словами, время есть **поведенческое разграничение, которое возникает в процессе взаимодействия организма с изменяющейся окружающей средой, воздействующей**

на состояние этого организма. Это разграничение порождает изменение референциональное, когда субъект начинает разным специфическим образом измерять собственную область описаний, а точнее ее протяженность. Такие измерения, как, например, последовательность, возникают вследствие повторений взаимодействия *организм – среда*. В результате то, что мы считаем будущим временем, есть измерение нашей собственной референциональной области, возникшее на основе рекурсивных изменений нашей нейронной активности в процессе сопряжений с изменяющимися конфигурациями внешней среды¹. Простыми словами, то, что повторно воздействует на нас, заставляет нас вновь предвосхищать и ожидать подобные воздействия (ср., напр.: *He is so gullible. He will believe everything.* / 'Он такой доверчивый. Он поверит (будет верить) всему'), а значит различать будущее время как понятие и говорить о нем, т.е. использовать это разграничение в своем лингвистическом поведении.

М. Мамардашвили, еще один мыслитель, творивший в русле энактивизма, чьи идеи гармонично дополняют выводы биокогнитологов, также видит в сущности восприятия времени, его длительности и других свойств определяющую роль наблюдения как точки «полного присутствия», в которой мир воссоздается каждый раз и творится заново. Цитируя Фолкнера, философ утверждает, что «не существует никакого “было”, только есть» [8, с. 30].

Анализируя природу случившихся событий (т.е. понятия прошлого и настоящего), ученый делает важное разграничение между памятью произвольной и памятью-наблюдением. В первом случае «воспоминания приходят к нам без дополнительных усилий воли», без затрат энергии и силы воображения. Во втором случае речь идет об акте сознательного воспоминания, когда наблюдатель «привязывается к живым ощущениям и впечатлениям», потому что они застают его там, где он неделим (присутствует в исходной точке наблюдения). Такие действия застают наблюдателя в той точке, где он ощущает энергетическое ограничение, поскольку эта точка требует и «расширения души», и «изменения себя» одновременно [Там же, с. 31-33]. Последние подразумевают тот факт, что перед взором наблюдателя открывается новая реальность, которая «отнимает прежний мир» [Там же] истин, требуя эмоциональных изменений, перестройки.

Глубоки мысли философа относительно еще одной разновидности наблюдения (и воспоминания-наблюдения в том числе) – своеобразного присутствия отсутствия чего-либо. На примере явления смерти он демонстрирует, что в момент смерти вся наша жизнь собрана и «мы не можем ею владеть» [Там же, с. 33] (простыми словами, она не происходит, не длится: мы уже не можем расширить свою душу и изменить себя). И когда мы наблюдаем кого-то в этом акте (кто-то умер), то становится очевидным, что кто-то явно присутствует перед нашим взором и этого кого-то уже нет. Момент присутствия и наблюдения теперь должен пониматься как специфическое состояние переживания чьей-то смерти. Напротив, когда мы «отодвигаем это действие в сторону календарного факта» («она умерла несколько лет тому назад») [Там же], мы отходим от чувств и неделимости присутствия и наблюдения, превращая описываемое в воспоминание.

Необходимо отметить важность данных выводов метафизического характера в логике настоящего исследования. Очертив грань между тремя точками, в которых наблюдатель может либо неделимо, актуально, либо мнимо присутствовать и ощущать время действий (так называемые минус-состояние, плюс-состояние и мнимая величина: непосредственное «неделимое» наблюдение действия, присутствие в нем; наблюдение «собранный» действия (присутствие в действии, которое само по себе уже «собрано», завершено и поэтому отсутствует); неприсутствие в действии вообще («отдаление в сторону фактов», опора на истинность)), М. Мамардашвили, по сути, описывает пространственную генерацию времени в сознании человека. Наблюдая происходящее с различных зрительных фокусов, определенных позицией себя как фигуры наблюдателя в пространстве (там, где он «застает» действие), человек вынужден соответствующим образом разграничивать свое поведение относительно этих признаков и «вырабатывать» те или иные смыслы в своей лингвистической области. Такое поведение выражается в оформлении того, что традиционно называется грамматической категорией времени и вида.

Тем самым с позиции нового, междисциплинарного подхода к языку любой разговор о языковой категории времени должен идти только в дихотомии «субъект языка – субъект восприятия», подразумевая **время всегда как субъективное знание человека**, действующего в собственной (физической и языковой) области сопряжения с окружающим миром, которую он сам же и создает благодаря когнитивным способностям образовывать внутренние образы этого окружающего мира (как особые состояния нейронной активности) и с ними взаимодействовать. Время – всего лишь поведенческое разграничение, позволяющее организму (мысленно) измерить пространственную протяженность и динамику внешнего мира. Объективное же время, существование которого находится под вопросом хотя бы потому, что изучение объективной реальности невозможно без участия человека как субъекта, не может выступать в качестве концептуальной основы – коррелята грамматического времени. Объективные факторы темпоральности и пространственности стоит анализировать лишь сквозь призму ощущений наблюдателя себя в динамике взаимодействий с меняющейся внешней средой, которая заставляет его «вырабатывать» числовые, глагольные и иные референции времени, помогая измерить и локализовать свое наблюдение происходящих событий (а не сами происходящие события). Это означает, что традиционная точка отсчета при описании и определении грамматической категории времени – момент речи –

¹ Возможно, в привычном лингвофилософском и физиологическом понимании здесь имеет смысл говорить о непосредственном пространстве, которое У. Матурана и Ф. Варела определяют сугубо физически, считая его материальным фоном, контекстом для происходящих взаимодействий.

не может служить полноценным семантическим признаком видо-временных глагольных форм хотя бы потому, что этот момент речи человек может моделировать, мысленно воображать и всячески его ощущать отлично от его физической данности (т.е. «Хотя в момент речи действия нет, но я этого не чувствую»: *Вот иду я вчера по улице...*; или «Хотя в момент речи действие есть, но я этого не чувствую»: *Все, я пошел*). Полученные выводы могут лечь в основу естественно-научной, биокогнитивной интерпретации **языковой категории времени**, согласно которой все, что говорит человек (т.е. язык и все его категории), является состоянием его психической активности в пределах его телесных ощущений, т.е. его адаптивным механизмом к изменчивым факторам (аффордансам) внешней среды, которые в ситуации общения могут подсказывать участникам этого общения нужную модель поведения (ср. *Все, я пошел!* – ощущение говорящим действия как (будто) совершенного в прошлом, как способ привлечь внимание к действию, совершаемому в настоящем).

Список источников

1. **Аксенов Г. П.** Причина времени. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 304 с.
2. **Алексеев С. А.** Хрестоматия по философии. М.: Проспект, 2005. 574 с.
3. **Дружинин А. С.** Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000-2012 гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: МГИМО, 2014. 18 с.
4. **Дружинин А. С., Карамалак О. А.** Язык в био-социо-культурной концепции: лексический и грамматический «уровни» // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4 (12). С. 5-15.
5. **Гоббс Т.** Основы философии // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 622 с.
6. **Кант И.** О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 381-426.
7. **Лингвистический энциклопедический словарь** [Электронный ресурс] / гл. ред. В. Н. Ярцева. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 14.04.2017).
8. **Мамардашвили М. К.** Лекции о Прусте (психологическая типология пути). Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1995. 142 с.
9. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 287 с.
10. **Песина С. А.** Философия языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 376 с.
11. **Черниговская Т. В.** Нить Ариадны и пирожные «Мадлен»: нейронная сеть и сознание // В мире науки. 2012. № 4. С. 43-45.
12. **Barrow I.** *Lectiones Geometricae* / trans. E. Stone. L.: Gotbied, 1735. Lect. 1. 156 p.
13. **Croft W., Cruse D. A.** *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
14. **Maturana H. R.** Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg by Miller, George A. and Elizabeth Lenneberg (eds.). N. Y.: Academic Press, 1978. P. 27-63.
15. **Maturana H. R.** Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. 1988. Vol. 9 (1). P. 25-82.
16. **Maturana H. R., Varela F.** *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* (Boston Studies in the Philosophy of Science). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. Vol. 42. 143 p.
17. **Weyl H.** *Philosophy of Mathematics and Natural Science*. Princeton: Princeton University Press, 1949. 336 p.

BIOCOGNITIVE APPROACH TO THE LINGUISTIC CATEGORY OF TENSE

Druzhinin Andrei Sergeevich, Ph. D. in Philology
MGIMO University
andrey.druzhinin.89@mail.ru

Pesina Svetlana Andreevna, Doctor in Philology, Doctor in Philosophy, Professor
Saint Petersburg University
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
spesina@bk.ru

The article defines and analyzes the key meaningful characteristics of the linguistic category of tense from the perspective of biology of cognition and bio-cognitive approach to language. Two concepts of subjective and objective time are analyzed and the conclusion is made that the category of tense should be studied without resorting to objective time as a factor of a physical word. The findings could be applied in the theory of language with a view to developing the existing interpretation of the category of tense, the concept of time, as well as in Grammar instruction practices.

Key words and phrases: bio-cognitive approach; subjective time; objective time; category of tense and aspect; observer; referential domain; behavioral distinction.